

*С.Г.Кордонский,
кандидат философских наук,
Центр по изучению
институтов гражданского общества*

Российская интеллигенция: генезис, онтология, этика и эстетика

Введение. Проблемы и темы, составляющие содержание отечественной интеллигентской жизни, не чужды современному иностранцу, но преимущественно на этапе социального созревания, до приобретения социальной стабильности. Вне социально-конфликтных государств — таких, как Россия, интеллигентность, по общему мнению, существует, скорее, как стадия индивидуального развития людей, принадлежащих к среднему классу, чем как самостоятельное социальное явление. Интеллигентность и интеллигенция становятся социально значимыми при переходе конфликтов между государством и обществом в "антагонистическую" форму, как во Франции 1968 г. или в России — всегда. В целом политическую активность национальной интеллигенции можно рассматривать как симптом неблагополучия в отношениях между государством и обществом.

Естественно, что именно сейчас, когда кризис российской государственности и роль интеллигенции в нем очевидны, хочется понять, почему такие умные, образованные, совестливые и милые российские интеллигенты уже в который раз оказываются лидерами в движении по замкнутому историческому кругу.

Данное выступление носит, скорее, философский, чем социологический характер, и потому не претендует на всеобъемлющее эмпирическое описание феномена интеллигентности.

Генезис интеллигенции. Социальная интеграция в таких государствах, как Российская империя и СССР, обеспечивается, преимущественно, силой, однако грубая сила оказывается неэффективной в том случае, если не осознающая своих границ власть претендует на некую степень участия в мировом политическом, технологическом и экономическом процессе. Для того чтобы обеспечить свои позиции в мировом сообществе, необходимы, кроме прочего, специалисты — экономисты, политики, ученые, технологи, врачи и учителя. Если государство хочет, чтобы с ним считались, оно вынуждено давать образование своим гражданам, ведь специалисты, как показал опыт, не могут обслуживать даже краденые технологии. Специализация, однако, нарушает гармонию предустановленной "социальной однородности"* и требует дополнительных

* Мое обоснование термина "социальная однородность" см. в статье "Реальный социализм"- история, структура, парадоксы" (Вопросы философии 1991 № 3 С 43—52). Идеология "социальной однородности" заключается в стремлении решать социальные конфликты за счет преобразования естественной (экономически детерминированной) социальной структуры в искусственную (кастовую, классовую, клановую, сословную) форму, при которой становится возможным "справедливое" распределение общественного продукта. Для создания "социально однородного" общества применяются методы биологической и социальной селекции — чистки, лишение гражданских прав и массовая элиминация членов социальных групп, не вписывающихся в идеальное общественное устройство

государственных усилий по ее преодолению. Государство канализирует активность образованных людей в продвижение в системе рангов и почетных званий, каждому из которых соответствует определенная льгота и привилегия, и создает локальные организации с жесткой иерархической структурой, "социально однородные" внутри себя (академии наук, творческие союзы), в которых происходит статусное распределение предоставленных государством благ.

Проблемы с образованными людьми возникают у государства тогда, когда специалисты, получив образование, используют приобретенный опыт работы с понятиями и терминами не только для того, чтобы "отдать долг" государству, но и для рефлексии своего положения, что неизбежно приводит к поведенческому дрейфу и к активности, не канализируемой имеющимися у него институтами.

Государство вынуждено ("не для того учили") смиряется с побочной активностью профессионалов и старается перевести ее в формы, соответствующие принципам своего устройства и относительно безопасные для себя. Активность образованных людей, преобразованная государством в приемлемые для него формы, в данной работе называется интеллигентностью, а активисты — интеллигентами*. Однако далеко не все интеллигентные люди находят себе место в предоставляемых государством нишах, и тогда оно вынуждено применять санкции, объявляя их отщепенцами, диссидентами, врагами народа, евреями и психически больными.

В "социально однородных" государствах — таких, как Россия, — общество производно от государства и его властных интенций. Интеллигенция — это не совсем желательный элемент общественного устройства, существующий согласно осознанной государственной необходимости в военном-техническом прогрессе и идеологической экспансии. Интеллигенция не может существовать вне "социально однородного" государства, поскольку производна от него. Отсюда двойственность положения интеллигенции: она стремится к демократизации государства, к добру, законности, справедливости, но в то же время в правовом государстве ей нет места.

На пути к "социальной однородности" интеллигенция противостоит государству, обсуждая и осуждая методы построения институтов справедливого распределения и его принципы. По достижении цели государственного развития, когда оказывается, что одной "социальной однородности" недостаточно для государственной стабильности как во внутренних делах, так и в международных отношениях, интеллигентские рефлексии политически актуализируются в деятельности по конструированию новых принципов и методов достижения социальной справедливости. Интеллигенция обслуживает государство, когда у него возникают частные задачи (научно-технический прогресс), не решаемые обычными методами мобилизации государственных ресурсов (такими, как всеобщее образование и принудительный труд образованных людей, массовые репрессии и сопряженное с ними географическое освоение новых территорий). Интеллигенция также государственно необходима и при реви-

* Такое определение в значительной степени формально Содержательное определение в терминах самоидентификации дается в главе "Структура интеллигенции".

зии основных принципов "социальной однородности", и для поиска новых основ для организации справедливого распределения.

При перестройках (либерализациях) интеллигентное общество доминирует над ослабевшим государством, и общественные интенции направляются на поиск путей возрождения сильного государства, с которым бы считались значимые противники. В такие периоды интеллигенты, которые, собственно, и составляют осознающее себя общество, сначала становятся влиятельными властными фигурами, а в дальнейшем, обнаружив сопротивление своим властным амбициям, пытаются вернуть жизнь в предопределенное интеллигентской интерпретацией истории русло. Для этого интеллигенция конструирует образы внешнего и внутреннего врагов и предпринимает усилия по консолидации общества и государства для борьбы с ними. Интеллигенция при либерализации становится социальной стратой, обеспечивающей преемственность идеологии социально однородного общества и продуцирующей авторитарных лидеров, стремящихся к созданию сильного и жесткого (но "прогрессивного") государства, где и у интеллигенции есть свое место. Можно сказать, что существует закон сохранения интеллигентности. В начальные условия этого закона входит существование государства, противостоящего интеллигентному обществу, но воспроизводящего интеллигенцию как необходимый элемент своего устройства.

В социально неоднородных государствах, в отличие от "социально однородных", образованные люди формируют сеть профессиональных и прочих объединений, которая не находится (в целом) в конфликтных отношениях с государством и, более того, обладает повседневным влиянием на него, поскольку профессионалы принимают участие в формулировании государственных целей и подборе средств для их достижения. Образованные люди в таких государствах, как правило, занимаются профессиональной деятельностью "согласно полученному образованию" и не испытывают потребности в особой рефлексии своего отношения к государству, и без нее достаточно ясному и определенному. Собственно, общество в такого рода государствах первично, оно порождает государство и ограничивает его властные интенции. Образованные люди, профессионалы представляют значимый элемент общества и тем самым контролируют государство.

Структура интеллигенции. Число интеллигентов в "социально однородном" государстве зависит, в конечном счете, от структуры его информационного пространства. В дотехнологическом государстве количество интеллигентов тождественно равно аудиториям читателей журналов, зрителей театров и посетителей концертов. С появлением средств массовой информации и всеобщего образования количество интеллигентов резко возрастает и возникает "образованщина" — по Солженицыну.

Интеллигентность слабо коррелирует с социальной стратификацией. Интеллигентными могут быть (или не быть) представители всех страт, общественных классов, этносов и национальных групп. В России, в частности, интеллигентность производив от политики государства в области образования, науки, культуры, здравоохранения. Так, целенаправленные усилия по созданию "национальных

школ и развитию национальных культур привели к появлению национальных интеллигенций, а такие же, по логике, усилия по развитию физики, математики и точных областей знания — к возникновению "технической и научной интеллигенции".

В государстве существуют институты — академии наук, высшие учебные заведения, отраслевые исследовательские центры и творческие союзы, функционирование в которых считается уделом интеллигенции. Согласно принятым в партийной отчетности различиям выделяется техническая, творческая, научная и национальная интеллигенции. Однако самое себя интеллигенция определяет по общему кругу чтения журналов и книг, просмотру фильмов и спектаклей, участию в творческой самодельности, а также по обостренному интересу к истории государства и ее интерпретациям в искусстве. Именно в этой области несущественны различия между разными профессиональными группами интеллигентов. Интеллигентность можно определить как особое социальное пространство в "социально однородных" государствах, сформированное активностью образованных людей в художественной интерпретации истории государства и роли в ней власти, народа и самой интеллигенции.

Необходимым компонентом структуры российского интеллигентского пространства являются евреи. Совпадение интенций интеллигенции и представителей еврейской диаспоры в России характерно для времен, когда интеллигенция противостоит государству. При этом интеллигенты стремятся реализовать вечные интеллигентские ценности и преобразовать государство в утопию, а евреи пытаются сохранить свою, также утопическую, культурную самобытность. Евреи, потерявшие связи с диаспорой и получившие общее и профессиональное образование, становятся типичными интеллигентами, озабоченными проблемами соотношений российского государства и общества, но, конечно, в их еврейском контексте.

На первых этапах перестройки российские интеллигенты и интеллигентные евреи оказываются в одной социальной нише в своих стремлениях к утопии, к тому, чтобы сделать государство удобным для той жизни, которая представляется им естественной. В начале XX в. это был социализм, в конце века — капитализм. В итоге очередной либерализации их пути расходятся. Российская национальная интеллигенция стремится при этом переложить вину за очередную неудачу на своих бывших союзников — интеллигентных евреев. Возникает (возобновляется) интеллигентский антисемитизм.

В сознании обычных (неинтеллигентных) россиян образы еврея и интеллигента почти идентичны, и всякое недовольство нарушением привычного порядка вещей, связанное с перестройкой (либерализацией), проецируется неинтеллигентным народом на евреев. В том случае, когда интеллигентский антисемитизм и народный антисемитизм сливаются в одно движение, оформляется черносотенная утопия — как альтернатива интеллигентской утопии. Особенно пикантной становится ситуация, когда во главе "черной сотни" оказываются интеллигентные еврей-антисемиты, новые русские патриоты.

Интеллигентская эстетика. Судьба России в ее интеллигентском представлении — судьба ее интеллигенции, а история России — история интеллигенции. Но она не сводится к истории образованной

части ее граждан, хотя писалась и пишется, скорее, интеллигентами, чем историками. Писаная история России политически акцентирована, смещена в плоскости исторической реальности, значимые для интеллигенции. Поэтому история России никак не может стать собственноручной историей, по меньшей мере, два столетия она остается политически актуальной. Интеллигентная Россия жила и живет придуманным прошлым, проецируемым в будущее, — вопреки отвратительному для интеллигенции настоящему.

Политически нейтральной документированной истории России пока нет. Роли исторических документов играют акцентированные художественно-публицистические реконструкции того, что в стране происходило. Исторические факты конструируются ("охудожествляются") интеллигентами Пушкиным, Ключевским, Солженицыным, Гумилевым, как и автором "Повести временных лет". Плоды творческого воображения интеллигентных авторов-историков пересмысляются другими авторами-интеллигентами и, став художественными образами прозы, стиха и театра, превращаются в символы массового интеллигентского сознания. Эти образы-символы, отождествленные с известными актерами-интеллигентами, исполнителями соответствующих ролей в кинофильмах, театральных постановках и эстрадных реву, в значительной степени определяют переживание эпохи ее современниками-интеллигентами и их образ действия в те периоды, когда эпоха становится смутной. Интеллигентская интерпретация истории персонифицирована в искусственных образах (архетипах), реализованных на сцене или в текстах и замещающих реальность, вытесняющих ее в пограничные и нерелевантные области интеллигентского сознания*.

Российские интеллигенты сформировали десятки архетипов восприятия и переживания себя в истории, вошедших в мировую культуру как национальное русское искусство, активно востребуемых и актуализируемых в тех странах, где отношения между государством и обществом становятся чрезмерно (для данной культуры) конфликтными. Интеллигенты всего мира чтят Достоевского, Льва Толстого, Чехова и Набокова, а российским интеллигентам близки Белль, Маркес, Борхес, Гессе.

Введение профанной жизни в "театральный" контекст составляет историческую задачу интеллигенции и смысл ее существования. Интеллигенция не существует вне историзованного искусства и искусственной истории, которые ею и создаются. Значимость интеллигентской интерпретации истории и историзованного искусства (в широком смысле этих понятий) в российском государственном быту меняется в зависимости от жесткости жизни. Чем сильнее государство и жестче жизнь, тем значимее историзованное искусство и то, что в нем происходит, и наоборот. Размытие границ между интеллигентской интерпретацией истории, историзованным искусством и жизнью, так же, как потеря искусством своего значения, символизируют начало очередной либерализации и связанное с ней исчезновение исторических ориентиров.

* Раскольников, Иван Денисович, Герасим и Муму, князь Мышкин, "Три сестры", Чапаев, Штирлиц, Платон Каратаев и т.д.

В спокойные (и жесткие в политическом смысле) времена разделение эстетизированной истории, моторизованного искусства и жизни абсолютно. В эти времена моторизованное искусство (в широком смысле слова) становится воплощением желаемой свободы, а значит, и жизни. В самой же жизни театральность табуируется, жизнь становится по-звериному серьезной. В такие времена российское искусство нарушает серьезность жизни, проникая в нее в форме историзированного политического анекдота, аллюзии на исторические темы. А в историзованное искусство жизнь входит в виде нешуточных трагедий между актером (автором) и властью. Актерские трагедии, в свою очередь, превращаются в несмешные анекдоты, демонстрирующие интеллигентам, насколько жизнь серьезна. Поэтому актеры — исполнители анекдотов из собственной жизни (или играющие в это исполнение: в новейшее время Галич, Окуджава, Высоцкий и др.) воплощают для интеллигентных слушателей и зрителей единство жизни, ее неразрывность, связанность всего со всем, в том числе бытия интеллигентного зрителя (слушателя, читателя), весьма, как правило, неприглядного, с историей.

Театрализация жизни в "серьезные времена" ограничивается государством. Проявления театральности в непопозволенном месте и времени карается, как было с известными диссидентами, вышедшими — как декабристы — на площадь 22 августа 1968 г., или с сотнями студентов, вообразивших себя заговорщиками-народниками и собиравшихся втроем-пятером (группа в понятиях КГБ) для распределения ролей в самодеятельном спектакле "Преображение России". Смягчение государственных ограничений на театрализацию жизни обычно символизирует наступление очередного "нового времени". Интеллигенция в "новое время" добивается своего — оттепели, либерализации или перестройки, и ранее непреодолимые границы между государством и обществом размываются. Появляются руководители государства, по необходимости или случаю принимающие одну из интеллигентских интерпретаций истории и, следовательно, ее авторов-интеллигентов (например, Хрущев в начале "оттепели" или Горбачев образца 1987 г.). В свою очередь, интеллигенты принимают такого государственного функционера за одного из своих (за интеллигента) и с удовольствием прикармливаются от его стола. Содержанием жизни интеллигентов становятся попытки воплотить те или иные эпизоды своей или чужой истории в политической и экономической практике. В эти времена желаемое содержание (ожидаемая история) кристаллизуется в сценариях на культурно-политические темы* и в политической практике — партийном и государственном строительстве, направленном на актуализацию ожидаемой истории.

В "новые времена" жизнь превращается в интеллигентский театр, так как исчезают различия между спектаклем и жизнью. В искусстве в то же время возникает кризис жанров, и жанровые различия между романом и повестью, рассказом и пьесой, сценарием и его экранной реализацией сглаживаются. Из обыденной жизни интеллигентов исчезает собственно историзованное искусство, за-

* Такие, как сборник "Иного не дано", выпущенный издательством "Прогресс" в 1989 г., соавторами которого стали герои жаркого парижского лета 1968 г.

мешаемое театрализованными политическими акциями, происходящими на разных сценах, на каждой из которых доминирует какой-либо режиссер со своей интерпретацией истории*. Возникают собрания вроде "Московской трибуны", которые разыгрываются как театральные действия: президиум — сцена, на ней актеры, играющие первые роли, а к микрофону, позволяющему выделиться из массовки и сыграть мизансцену, прорываются претенденты на значимые роли. Это — в помещениях, а на улице в то же время проходят митинги и демонстрации, украшенные сценическими атрибутами (плакатами, знаменами, лозунгами). На излете "демократического" порыва камерные и уличные спектакли превращаются в костюмированные балы-тусовки. Сценарии подобных действий удивительно однообразны, и общественно значимые "спектакли" времен декабристов, начала XX в. и его конца практически идентичны по темам и ролям, которые разыгрывают их участники.

Конец 80-х — начало 90-х годов XX в., когда политическую сцену заполнили театрализованные имитации эпизодов "из истории России", в этом смысле не отличающиеся от других исторических периодов. Сегодняшние социал-демократы, кадеты, монархисты, националисты, купцы и дворяне — не более чем попытки воспроизвести моменты отечественной истории, по какой-либо причине выделенные и описанные интеллигентными историками. Интеллигенция делится на конфликтующие между собой группы, придерживающиеся разных авторских описаний одного исторического периода. Одна часть интеллигентов строит жизнь по Ильину, другая — по Бердяеву, третья — по Солоневичу, и т.д.

В "новые времена": конец 80-х — начало 30-х годов XX в., на сцене жизни-театра (поскольку сама жизнь становится театром) появляются типажы, спектр которых определен художественной интерпретацией истории страны уже очень давно, часто столетия назад. Персонажи Грибоедова, Островского, Чехова, Гоголя и прочих классиков воплощаются в современных политиках и экономических агентах. Сходство социальных типов переходного времени и актерских образов не раз отмечалось теми критиками, которые рефлектируют свою интеллигентность и не поддаются искушению самим выйти на историческую сцену и проиграть одну из хорошо известных им классических ролей.

Однако политика и экономика — вовсе не те области деятельности, в которых значим социальный опыт интеллигентных людей. Их преследуют неудачи, отрежиссированные ими политические спектакли со скандалом срываются, жизнь не желает подчиняться исторически выверенным сценичным образцам. Те государственные деятели, которых интеллигенты принимали за своих и за спасителей Отечества, оказываются не интеллигентными, а другими. Интеллигенты осознают себя чужаками на празднике реальной политической и экономической жизни, попадают в "бесконечный тупик", теряют смысл своего существования. В массе интеллигентов возникают вопросы о своей исторической роли и месте в историческом

* В спокойные времена интеллигенты ходят в любимый театр, а во время перестройки — на тусовку, принимающую формы заседания, собрания или политического клуба.

процессе. И только немногие из них, например Галковский, осмеливаются усомниться в праве на существование социальной группы в целом, а значит, и государства. Спектакль "свободы и демократии", в который интеллигенты оказываются вовлеченными всей душой, переполненной патристическими образами, обычно заканчивается трагически для исполнителей первых ролей. Как говорил С.Е. Лец, "отсутствие конца трагедии не освобождает ее участников от необходимости очистить зал".

Обобществление ослабевшего государства неизбежно приводит к его экономической, социальной и политической деградации, к политической и военной нестабильности, к потере, казалось бы, вечных ценностей и исчезновению взлелеянной государством среды привычного интеллигентского общения (которую сами интеллигенты считают уникальной культурой). В среде интеллигентов рождаются (возрождаются) идеи и темы новой государственности, выражением которых можно считать "Новые Вехи" и аналогичные эпохальные труды интеллигентов-государственников. Антиутопии, доминирующие в сознании интеллигентов в начале "нового времени", сменяются новыми утопиями национальной государственности и мирового порядка, справедливого распределения и производства, подчиненного великим идеям социального равенства. Дело случая и ситуации, кто и как будет реализовывать эти идеи, — коммунисты, фашисты или какие-то другие практики-интерпретаторы интеллигентских рефлексий истории.

Интеллигентская гносеология. Обычное научное знание и методы познания недоступны российским интеллигентам, поскольку это элементы совсем другой, не интеллигентской культуры. Интеллигенты используют вырванные из контекста научного исследования понятия, факты, эмпирические обобщения и диагностические формулы, включая их в свои театрализованные концепции на правах "научно доказанных" предпосылок деятельности. Использование научной атрибутики в нормальном обществе безвредно, поскольку нейтрализуется сложными механизмами научного сообщества и политической практикой, проверяющей идеологию на адекватность. Но в интеллигентном обществе образы из театрализованной истории неизбежно становятся понятиями объясняющей и утверждающей самое себя идеологии и не поддаются ни верификации, ни фальсификации. Марксизм, фрейдизм, дарвинизм и прочие измы введены в российскую культуру как театрализованные фрагменты чужой истории, а не как результаты теоретической рефлексии опыта изучения различных аспектов жизни. Отсюда и схоластичность интеллигентского научного теоретизирования, впрочем, дающего серьезные научные результаты в пограничных и вновь формируемых областях знания — как спекулятивные предвосхищения концепций, выросших в другой социальной среде при решении сугубо практических задач*.

Мир интеллигентов наполнен персонифицированными образами историко-художественных произведений (или редуцированными темами научных исследований) и теми отношениями между ними, которые определены режиссерами-постановщиками (в широком смысле слова).

* Например, идеи Вернадского, Чижевского, Любищева и многих других интеллигентов.

Каждый "крупный" творец-художник тем и крупен, что вводит новые образы или новые отношения между старыми образами, конструируя тем самым интеллигентскую объясняющую теорию. Хождение за образами в народ (в экспедицию, посмотреть, как живут "простые люди", или самим пожить на природе "простой жизнью") является традиционным занятием российской интеллигенции.

В интеллигентском мире сосуществуют люди и человекоподобные объекты живой и неживой природы, сообщающиеся между собой. Каждая персона по своему интересна и воспринимается интеллигентами как носитель некоторых архетипических (и исторически определенных) свойств. Обыденные отношения в своем интеллигентском круге по этой логике становятся реализацией некоторых архетипических (исторических) отношений. Обобщение фактов личного общения служит интеллигенту основанием для создания исторически фундированной теории, описывающей, как функционирует социум. На основе такого рода представлений о существовании и экспериментальных данных (все из личного опыта) интеллигенты разрабатывают объясняющие и предсказывающие теории.

В интеллигентских рассуждениях обычно присутствуют два уровня реальности: обыденная жизнь с ее конфликтами, склоками, неприятностями и радостями, и высокая объясняющая теория в форме художественных произведений и их идеальных объектов — художественных образов. Образные идеальные объекты и теоретически театрализованные отношения между ними позволяют, как представляется интеллигентам, моделировать реальность в искусственной (или искусной) системе, объясняющей профанам, как устроен мир и почему он устроен именно так. На всем протяжении истории интеллигенции воспроизводятся группы, члены которой специализируются на конструировании всеобъемлющих концепций мироздания. В рамках этой группы можно выделить псевдоученых — создателей "общих теорий всего" (космоса, земли, цивилизации и общества в целом и России в частности), и псевдописателей — таких, как Александр Зиновьев, авторов персонифицированных логических схем, стилизованных под художественные произведения. Создатели "общих теорий всего" и псевдописатели драматизируют науку, представляют ее другим интеллигентам как открытие "тайн природы и общества", а исследовательскую деятельность рассматривают не иначе, как "трагедию познания".

Теория такого уровня социологи называют обыденными. Их функция вполне ясна и определена. Они выступают в роли концептуальных схем, детерминирующих поведение социализированного субъекта и делающих это поведение неслучайным и предсказуемым именно в той мере, в которой оно тривиально. Обыватели-интеллигенты руководствуются в своем поведении расхожими обывательскими теориями (считая их тем не менее в высшей степени оригинальными), а нетривиальные интеллигенты-режиссеры (как правило, известные своими прибабахами и причудами) разрабатывают нетривиальные теории, воплощая их в эксцентричных сценических или других художественных образах.

Область применения обыденных теорий для разделяющего их человека ничем не ограничена, и никакие критерии научности к

ним неприменимы. Подобные теории верны в той мере, в которой существуют люди, их исповедующие. Эти теории подлежат не научной критике, а только научному (или клиническому) исследованию — как факты социологии (или психиатрии) — их описывающему, систематизирующему, исследующему экспериментально и, в конечном счете, объясняющему.

Как уже говорилось выше, основной формой познания мира для интеллигенции является историзованное искусство (отсюда и концептообразующая функция искусствоведения). Но восприятие и переживание окружающего через отождествление с художественными типами (даже нищих интеллигент воспринимает по степени их театральности) не исключает других форм исследовательского отношения к миру. Из многообразия форм собственно познавательного отношения к миру интеллигенты предпочитают редуцицию и экспертизу. Часть интеллигентов имеет склонность редуцировать значимую для них историческую и политическую реальности до профессионально знакомой и использует профессиональные, иногда очень качественные знания для объяснения важных, с их точки зрения, исторических и политических событий. Иногда это дает выдающиеся результаты (например, исследование пространства иконописи механиком Раушенбахом), но чаще всего попытки редуцировать социальную и экономическую специфику России до закономерностей, описываемых другими областями знания, выглядят трагикомически — например, исторические экскурсы специалиста по математической логике и основаниям математики Есенина-Вольпина (где специфика истории и социологии сводится к отношениям между придуманными автором логическими переменными), или этнографические построения профессионального политзэка Льва Гумилева, которому ойкумена представляется совокупностью "зон" и пространств возможных побегов, актуализируемых благодаря особым качествам (пассионарности) рожденных в неволе.

Другая часть интеллигентов, обладающих познавательными интенциями, склонна к экспертизе. Под экспертизой понимается умение высказывать интеллигентское понимание любого вопроса, проблемы, темы в их пространственно-временных, содержательных и нравственных характеристиках. Интеллигентный эксперт, чаще всего основывающий свои суждения на журнально-газетной информации, имеет мнение обо всем (в том числе и о своей способности к экспертизе) и не стесняется высказывать его в любых обстоятельствах. Стремление к экспертизе часто принимает карикатурно-театрализованные, иногда клинические формы (например, одна из программ "Авторского ТВ", в ходе которой интеллигентные эксперты дают оценки и интерпретации фильмам, представляемых режиссерами, также считающими себя экспертами). Политическая сцена в "новые" времена переполнена экспертами, соревнующимися друг с другом в артистичности представления своих оценок и прогнозов. В состав Президентского совета образца 1993 г. вошли, например, наиболее телегеничные интеллигентные эксперты.

Встречаются выдающиеся интеллигентные люди, сочетающие все формы исследовательского отношения к миру (режиссерско-концептуальное, редуциционистское и экспертное). Это редуциционисты, счи-

тающие себя экспертами и реализующие свое отношение к миру в режиссерской деятельности, — такие, как Сергей Кургинян. Кургинянов мир — сцена, на которой под его недреманным режиссерским оком разворачивается спектакль, сконструированный экспертом-Кургиняном на основе редуccionистской (кургиняновской же) модели фрагмента истории. Оглушительные творческие и политические неудачи подобных всесторонне развитых интеллигентов только прибавляют им пыла, амбиций и популярности в родной среде.

Интеллигентские онтология и этика. Для интеллигентных людей исторические пространство и время, реальная социальная структура и экономические отношения существуют только потому, что они нашли свое художественное (книжно-зрительное) воплощение. Расширение интеллигентской онтологии осуществляется в основном средствами искусства. Серьезным, с их точки зрения, спектаклем, книгой (в том числе научной) или фильмом считается такое произведение, в котором содержится художественное открытие, т.е. осуществляется введение элементов ранее не театрализованной жизни в контекст интеллигентных отношений (последние примеры: "архангельский мужик", персонажи Каледина, Трифонова и т.д.). Все остальное, не воплощенное в художественных образах, находится вне сферы интеллигентного бытия, а значит, не существует. Открытие мира через искусство и замещение мира искусственным (и искусным) его представлением составляет содержание интеллигентского бытия.

Интеллигенты существуют в двух мирах — в мире искусства, истории и искусственно конструируемых отношениях между ними, и в быту, как правило не регулируемом культурными рамками и потому прямом, бесхитростном и физиологичном. Быт и существование вне трагического искусства вообще для интеллигентов обременительны. Интеллигент должен реализовывать вечные ценности, служить искусству, вечности, абстрактным, но потому и абсолютным реалиям. Презрение к обыденности и каждодневности сочетается у интеллигентов со стремлением к вечному и неизменному — государственному, национальному или культурному.

Разрывность онтологии интеллигентов является необходимым условием существования интеллигенции и явно проступает в ее языке, казенно-патетическом на формальной сцене и площадно-прямым в быту и в спектре исторических ситуаций, считающихся достойными воплощения в искусстве. Кухню и постель в интеллигентной семье в 70—80-е годы XX в. можно рассматривать как символы единства материального и духовного начал интеллигентности.

Разрывность онтологии интеллигентов заставляет их страдать, но страдания имеют, в основном, отстраненно эстетический характер переживания того, что интеллигентами рассматривается как сценическое событие. Даже наиболее популярные авторы-"сидельцы" из интеллигентов считают своей задачей эстетизацию лагерного быта (может быть, их популярность и объясняется их эстетскими установками). Их произведения не документальны в смысле исторического документа, они построены как художественные произведения. И все для того, чтобы интеллигентные читатели и зрители смогли, почтав и посмотрев, сказать "какой ужас!", выражая свое восхищение эстетикой безобразного.

Этическая компонента бытия в интеллигентском мировосприятии подчинена эстетической. Целью интеллигентского творчества является преодоление разрыва между этическим и эстетическим, эстетизация обыденности, поскольку вне художественной формы обыденность и быт как бы не существуют. Эстетизация своего неупорядоченного неряшливо-небрежного быта становится, особенно в новые времена, задачей интеллигентных писателей и драматургов. Художественное открытие Трифонова, например, состояло в том, что он сделал предметом художественного описания "другую жизнь", т.е. быт интеллигентов По окончании "нового времени" кухня и постель исчезают из поля художественного видения, сменяясь неким "обобщенным сортиром" (Валентин Сорокин), в котором удовлетворяются интегрированные (материальные и духовные) потребности. Отечественный постмодернизм в целом можно рассматривать как стремление историзованного искусства включить в себя вегетативную сторону интеллигентского существования и запечатлеть ее в истории для будущих поколений. Небесталанные алкоголики, наркоманы и педерасты, сделавшие свои аномалии предметом художественной интроспекции, имеют шанс стать классиками — историческими деятелями новейшей интеллигентской истории России.

Будущее интеллигенции. Интеллигенция и "социально однородное" государство неразделимы. Для интеллигенции как группы смертельно опасно отчуждение экономики от политики и формирование стратифицированного по экономическим признакам общества. Изменение отношений между государством и обществом при благоприятном (нетоталитарном) исходе приведет к исчезновению интеллигенции. Для самосохранения интеллигенция должна тем или иным способом стимулировать воспроизведение "социально однородного" (сословного, кастового, классового или кланового) государства в форме Российской империи, СССР или какой-то другой. Если ей это удастся, то будущее интеллигенции обеспечено. Интеллигенты продолжат выдавливать из себя раба по капле или ведрами, создавая предпосылки очередной либерализации. В этом смысле показательно поведение многих интеллигентов в октябре 1993 г., сразу после вооруженного разгона российского парламента. Одни мгновенно начали самоорганизовываться в привычные по доперестроечным временам диссидентские структуры, настраиваясь на противостояние замаячившей было тени сильного государства и обрели потерянную основу своего существования. Другие, напротив, начали воспевать "во славу Великой России" и занялись теоретическим обоснованием и оправданием "сильной президентской власти" и ее актуальных и потенциальных кровопролитных действий. Действия и тех и других были направлены на воспроизведение привычных отношений между государством и обществом и, следовательно, на воспроизведение интеллигенции.

Если нарождающиеся сейчас в России или в наследующих ей социально-экономических квазигосударственных структурах новые социальные группы преодолеют барьер в отношениях между государством и обществом, то интеллигенция исчезнет, освободив место естественному и экономически детерминированному разделению занятий. Историки займутся изучением истории, писатели и ху-

дожники начнут творить сообразно требованиям соответствующих рынков, ученые займутся наукой.

Только возникшее на остатках СССР сильное государство, сумевшее преодолеть экономическую катастрофу, регионализацию и межэтнические конфликты ради великой цели сохранения самого себя как сверхдержавы и принимающее на себя заботу о науке, культуре, образовании, здравоохранении и прочих субстратах произрастания интеллигенции, сможет создать условия для воспроизведения великой отечественной интеллигентской культуры и рожденного ею искусства.